

Клубные встречи

Александра Збруева не надо представлять читателям. Его знают все, в т.ч. и те, кто никогда не был в Ленкоме, к которому Збруев "приписан". Знаменитым и любимым его сделало кино, и эта любовь уже необратима.

Александр ЗБРУЕВ:

сегодняшнего человека. И возраст здесь не очень важен, потому что, как это ни странно, понимание и ощущение времени — оно что для молодого, что для старого. Если человек мыслит, возраст не играет особой роли. Раньше была искусственно вздрюченная комсомольца, которая все делала с песнями и плясками, а сегодня человеку надо не плясать, а думать, искать, выбираться. Эйфория свободы, вседозволенности уже прошла. Сегодня происходит момент переосмысления, осознания происходящего. Есть грусть от того, что мы потеряли что-то хорошее, и радость, что исчезло что-то плохое, что выход все-таки находишь. Эта радость общая для молодого, что для старого зрителя.

— А как вы относитесь к тому, что современные молодые люди становятся преуспевающими бизнесменами, богатыми людьми?

— Хорошо отношусь. Мне нравится, что они находятся в движении, в поиске, не сидят и не ковыряют в носу. Мне нравится, что сейчас многое зависит от самого человека. Не все, конечно, потому что от дяди наверху тоже многое зависит, но все-таки прекрасно, что есть умные ребята, которые в двадцать пять лет не воруют, а делают свое дело. Неправда, что все вокруг воруют. Я знаю людей, которые в двадцать пять лет совершенно законным путем при-

ся о смерти, и не только люди пожилого возраста. Я спрашивал и молодых людей, думают ли они о смерти. Отвечают: да, думаю.

— Скажите, в современном театре легко пробиться молодому актеру?

— Во все времена в театре это было нелегко. И это совсем не обязательно зависит, скажем, от главного режиссера. Театр — это такой мир, где очень легко можно затеряться. Здесь тоже идет своя жизнь: кто-то кого-то любит, кто-то кого-то — нет. Здесь тоже свое маленькое государство со своими правилами и законами. Бывает, что от жены какого-нибудь ведущего артиста может зависеть настроение целого коллектива. Так было всегда. Но если говорить о современном театре, то молодому актеру в нем, пожалуй, стало еще сложнее. Сегодня люди в театре очень разделились. Разделились не потому, что стали друг другу неинтересны, а потому, что жизнь, заботы о заработке, о семье утаскивают тебя в сторону. Ты уже не можешь работать только в театре, тебе нужно как-то крутиться, выживать. Это присуще не только театру. Сегодня люди вообще утрачивают связь между собой — было дворовое братство, братство улицы, города, сегодня каждый сам по себе. Так же и в театре: товарищей стало намного меньше, больше стало коллег. Претензий никаких здесь нет, ведь у каждого своя жизнь. Но молодым в театре нелегко. Например, мне очень нравятся Саша Лазарев, Витя Раков... Кого-то не называл — не в обиду. Они преданы театру, любят театр, но я вижу, как им порой тяжело приходится — у них семьи, заботы о доме, а та зарплата, которую мы сегодня получаем в театре... Раньше считалось так: ах, о деньгах не стоит говорить — это проза. А это совсем не проза. Это мой покой, это мое свободное творчество. Раньше можно было отказаться от многих предложений сниматься в фильмах. Но нынче фильмы почти не снимаются, и даже талантливые люди хватаются за очень посредственные сценарии, улетают в "мыльные оперы", а это все намного ниже их творческих возможностей. Я бы даже сказал, это опускает многих актеров, в лучшем случае они топчутся на одном месте в пятидесяти сериях.

— Александр Викторович, вы лирик в душе?

— Я? Сейчас — нет. То есть бывает, что я время от времени попадаю в лирическое состояние, но жизнь сегодняшняя не позволяет все время быть лириком. Я не знаю, что будет завтра, даже не знаю, что будет сегодня. Поэтому не до лирики.

— Вы пробовали свои силы в чем-нибудь, помимо актерского дела?

— Только для себя. Что-то пописывал, но не решился представить это широкой публике. Не хватило наглости. Хотя есть люди, которые, помурлыкав дома, решают, что они могут завлечь большую аудиторию, и пытаются петь. Я не в укор им это говорю. В какой-то мере это их поиск, попытка самоутверждения.

— Александр Викторович, что является вашей надеждой в жизни?

— Надеждой? Не знаю... Не знаю... Вы понимаете, Бог и отец с матерью подарили нам эту жизнь, и в этой жизни есть очень много радостного. Вот замечательный день сегодня — голубое небо, опавшие листья, красивые женщины идут мимо... Это и здоровье, это радости — пусть даже маленькие в театре, это прочтение хорошей книги... Но я ничего не могу сказать о далеком будущем и вообще не знаю, есть ли оно. Может, есть...

Встречался

Андрей КРАВЧЕНКО.
Фото
Виктора СМОЛЬЯНИНОВА.

Если раньше в театре были товарищи, то теперь все больше — коллеги

— Александр Викторович, какие мысли и впечатления у вас возникают, когда вы смотрите фильмы прошлых лет со своим участием?

— Чаще всего смотришь и улыбаешься. Многие очень наивно. На взрослых людей на экране смотришь как на детей. Но эта наивность не дураковатая, потому что там было что-то очень дорогое, оставшееся теперь в прошлом, — хорошее и чистое, безумно чистое. Но наивно.

— А как вам живется, как работаете в нынешнее время?

— Собственно, как и всем. Не очень просто. Но это не жалобы, а констатация факта. Приходится выбираться из трудности вместе со всеми, один не выберешься.

— Трудности какие?

— Всяческие. Понимаете, очень многое разрушилось. Состояние нашей культуры определяется окружающей нас неразберихой. Мы зависим от одного-двух человек в государстве. От их движения влево или вправо все меняется в нашей стране. Меняется и культура, хотя культура-то должна быть неколебима в своем неуклонном и гармоничном развитии. Она может переходить из одной формы в другую, но она не должна зависеть от одного человека в государстве.

— Какой вы видите выход из этой ситуации?

— Ох, если бы я знал... Помните, в "Трех сестрах" Чехова одна из сестер говорит: "Если бы знать... Если бы знать..." Мне кажется, сейчас никто ничего не знает. Сейчас мы все полуслепые, что ли. Все тыкаемся куда-то на ощупь. И вообще все в нашем отечестве сегодня делается методом тыка. В такой ситуации очень трудно что-либо предсказывать.

— Словом, происшед-

шие в посткоммунистическом обществе перемены вас, я вижу, не особенно радуют?

— Мы к этим переменам, свалившимся нам на голову, были не готовы, хотя, сидя на кухнях, и говорили крамольные вещи. Мечтали о свободе. Но что такое свобода? Мы как бы издавна ее видели, а сейчас нам ее вроде бы дали, но оказалось, что это тоже не очень-то свобода. Ходить по улицам и говорить вслух свои протесты — это свобода? Нет. Должна быть свобода выбора, свобода творчества. А их в полной мере нет. Во-первых, потому, что многие сегодня думают не о творчестве, а о том, будет у него завтра кусок хлеба или нет. А во-вторых, это тоже касается и стабильности нашего дела, нашей профессии актерской, нашего кинематографа, который рухнул и вместе с рухнувшим государством полетел в пропасть.

— Ну о Ленкоме этого не скажете...

— Театр все же держится. Да, в Ленкоме интерес зрительский присутствует. Хотя и не тот, что был раньше. Ведь раньше человек приходил в театр и хотел услышать то, о чем он мог подумать, но не мог сказать вслух. Сегодня зритель за этим уже не идет, потому что об этом он слышит на каждом углу и читает в каждой газете, зачем ему фиги в кармане! Нынче в театр ходят, как правило, на громкие имена, на очень яркие постановки, на действо: главное, чтобы не было скучно. Вот сейчас театр работает над сценарием "Игрока" по Достоевскому. Это версия Марка Захарова с блестящими актерами — Александр Абдулов, Инна Чурикова, Леонид Броневой... Так что есть надежда, что Ленком зрителя не разочарует. Нашему театру двадцать два года, и двадцать два года он аншлаговый. А это бывает не часто.

— Значит ли все сказанное вами, что современный театр не должен быть политическим?

— Весь вопрос в том, что понимать под политикой. Если действительность, если спектакль заставляет задуматься над происходящим сегодня, это уже политика.

Например, "Игрок" будет спектаклем, по-моему, очень действенным. Мне не хотелось бы сейчас говорить о концепции спектакля, потому что это дело режиссера, но это русская душа, русская человеческая душа в Европе. Понимаете, сегодня мы тоже не у себя дома. Нынешняя Россия, Москва — вроде бы наша земля, здесь ты родился в роддоме им. Граурмана, прожил на Арбате, где ходили твои бабушки, дедушки, мать, отец, но все-таки сегодня эта земля не моя. На ней строится что-то неведомое нам. Нам неведом капитализм. Допускаю, что он прекрасен в лучших своих проявлениях, он намного сильнее и мощнее, чем та система, в которой мы прожили семьдесят с лишним лет, но мы не понимаем и не знаем капитализма, а ведь он имеет, по всей вероятности, и колоссальнейшие рифы, о которых мы сегодня разбиваем себе физиономию. Но душа-то наша — та; она генетически посеяна на этой земле, облитой кровью, какими-то радостями и праздниками, расстрелами тридцать седьмого года, сталинской эпохой, глупыми годами так называемого застоя. Это все в нас сидит, нам никуда от этого не деться. А мы сегодня живем вроде бы на своей земле, но это все не наше, только наша душа все время натывается на что-то.

— Вы сказали: "Главное, чтобы не было скучно зрителю". Какому зрителю? Вашему прежнему? Или молодому?

— Я уже долго живу на свете и вижу, что главное — понять

обрели целое состояние. Нельзя ко всему относиться, ахая и охая, даже если все сложно и непросто. Да, нынешняя молодежь очень отличается от той, к которой я принадлежал. Нынешние молодые более рациональны, они лучше просчитывают наперед, больше знают, больше видели, у них более широкий выбор, чем был у нас.

— Этим выбором может стать и театр, и тогда талантливый человек в материальном отношении будет сильно проигрывать своему сверстнику-бизнесмену.

— Да, но этот выбор он сделал сам. Театр в нашей стране никогда не приносил дохода, и талантам, конечно, надо помогать. Бытует изречение: "Таланту надо помогать, бездарности пробьются сами", но кто возьмется определить степень бездарности и таланта у конкретного молодого человека? Это безумно сложно. Поэтому зачастую помогают совсем не тому, кому нужно помогать. Существуют и какие-то чисто вкусовые вещи — талант можно даже не сразу распознать, он проявляется подчас лишь со временем. Бывает и так: время прошло — талант улетел. Или даже не талант, а сам человек — человека нет...

— Почему трагическая судьба настигает многих талантливых людей?

— Это необъяснимо. Я не могу объяснить, почему привели себя к смерти Высоцкий, Олег Даль, почему это случилось с Андреем Мироновым, с Лешей Эйбоженко, с Дворжежским. Список огромен. Я не могу это объяснить. И более того — я даже не хочу об этом задумываться. Потому что это какая-то другая ось сознания, это находится рядом с тем, чего я не могу понять, рядом с неприкасаемым. Это вещи вне нашего сознания. Впрочем, сегодня человек очень часто задумывает-